

DOI: 10.31857/S241377150014007-0

Стилистически сниженная лексика в современном толковом словаре: изменения в употреблении просторечной лексики

© 2021 г. **Е. Э. Базаров**

Младший научный сотрудник Института русского языка
им. В.В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
eubaz@yandex.ru

© 2021 г. **А. С. Кулева**

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Института русского языка
им. В.В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
an_kuleva@mail.ru

© 2021 г. **А. Р. Пестова**

Младший научный сотрудник Института русского языка
им. В.В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
pestova2012@gmail.com

© 2021 г. **Л. Л. Шестакова**

Доктор филологических наук,
главный научный сотрудник Института русского языка
им. В.В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
lara.shestakova@mail.ru

Дата поступления материала в редакцию 31 августа 2020 г.

Дата публикации: 28 февраля 2021 г.

Резюме. В статье рассматриваются проблемы лексикографического отражения сниженной лексики в толковом словаре современного русского языка (на материале нового “Академического толкового словаря русского языка”). Основные направления изменений в употреблении просторечной лексики в последние десятилетия – это, во-первых, повышение ее стилистического статуса (переход в разговорный регистр), во-вторых – выход сниженных лексем из активного словарного запаса. В работе представлены методы верификации стилистической характеристики сниженной лексики (анализ данных современных словарей, Национального корпуса русского языка и ряда других источников, опросы носителей русского языка). Исследуется изменение стилистического статуса как отдельных лексем, так и словообразовательных типов. Описываются различные пути пополнения сниженных пластов лексики в современном русском языке, такие как переход из жаргонов (профессиональных, спортивных, криминальных) в сопредельные подсистемы и развитие у слова нового значения со сниженной стилистической окраской. В статье подчеркивается, что на изменение стилистического статуса сниженной лексики влияет целый комплекс разнонаправленных факторов и задача составителей академического толкового словаря русского языка – учесть их все, опираясь на данные современного употребления.

Ключевые слова: лексикография, толковый словарь, сниженная лексика, просторечие, разговорная речь, стилистика, стилистическая стратификация лексики, стилистические пометы, Национальный корпус русского языка.

Для цитирования: Базаров Е.Э., Кулева А.С., Пестова А.Р., Шестакова Л.Л. Стилистически сниженная лексика в современном толковом словаре: изменения в употреблении просторечной лексики // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 1. С. 42–61. DOI: 10.31857/S241377150014007-0.

Substandard Vocabulary in the Modern Explanatory Dictionary: Changes in the Use of Vernacular Lexemes

© 2021 Evgeniy E. Bazarov

Research Fellow at the V.V. Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
18-2 Volkhonka, Moscow, 119019, Russia
eubaz@yandex.ru

© 2021 Anna S. Kuleva

Cand. Sci. (Philol.),
Senior Researcher at the V.V. Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
18-2 Volkhonka, Moscow, 119019, Russia
an_kuleva@mail.ru

© 2021 Anna R. Pestova

Research Fellow at the V.V. Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
18-2 Volkhonka, Moscow, 119019, Russia
pestova2012@gmail.com

© 2021 Larisa L. Shestakova

Doct. Sci. (Philol.),
Head Researcher at the V.V. Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
18-2 Volkhonka, Moscow, 119019, Russia
lara.shestakova@mail.ru

Received by Editor on August 31, 2020

Date of publication February 28, 2021

Abstract. The paper discusses the major issues of presentation of stylistic information about the substandard lexemes of the modern Russian language in the general explanatory dictionary (on the material of the “Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language”). The main directions of changes in the use of vernacular vocabulary in recent decades are considered: substandard lexemes raise their stylistic status or become obsolete. The paper presents verification methods for studying stylistic characteristics of vernacular vocabulary (such as analysis of data from modern dictionaries, the Russian National Corpus and other sources). The article examines the change in the stylistic status of both individual lexemes and word-formation types. Various ways of enlargement of substandard vocabulary in modern Russian are described, such as the transition from jargons (professional, sports, and criminal) and the development of a new word meaning. The article

emphasizes that the change in the stylistic status of substandard lexemes is influenced by a set of different factors, that should be taken into account by the authors of the explanatory dictionary.

Key words: lexicography, explanatory dictionary, substandard lexis, vernacular, colloquial speech, stylistics, stylistic stratification of the lexicon, stylistic labels, Russian National Corpus.

For citation: Bazarov, E.E., Kuleva, A.S., Pestova, A.R., Shestakova, L.L. *Stilisticheski snizhennaya leksika v sovremennom tolkovom slovare: izmeneniya v upotreblenii prostorechnoi leksiki* [Substandard Vocabulary in the Modern Explanatory Dictionary: Changes in the Use of Vernacular Lexemes]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Serii literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 1, pp. 42–61. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150014007-0.

Введение

Стилистическая характеристика словарного состава русского языка остается одной из первостепенных задач толковой лексикографии. С учетом активных семантических и стилистических процессов в русском языке конца XX — начала XXI в. лексикографу важно, с одной стороны, адекватно отразить в словаре семантические изменения, с другой стороны, сопроводить слово или отдельное значение актуальной стилистической пометой. С этой точки зрения весьма сложным для описания материалом являются слова со сниженной стилистической окраской, прежде всего просторечные, поскольку за последние десятилетия в этом пласте лексики произошли серьезные изменения. Очевидно, что толковые словари, изданные до XXI в., фиксируют социальные отношения полувековой давности и отражают неактуальную стилистическую стратификацию лексики, значительно отличающуюся от ее современного состояния, что говорит о необходимости обновления словарей [1]¹. В этом отношении толковые словари среднего объема (по типологии С.И. Ожегова [2, с. 92–100]) представляются удобной и гибкой формой описания лексического состава языка, способной живо реагировать на изменения и отражать современное состояние русской лексики. К словарям среднего типа относятся и “Академический толковый словарь русского языка” (АТос) [3], создаваемый в настоящее время в ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН. Его авторы берут за основу 2-е издание “Словаря русского языка” под редакцией А.П. Евгеньевой, широко известного как “Малый академический словарь” (МАС) [4], признанного одним из лучших толковых академических словарей (подробнее см. [5]). При этом

авторы нового словаря учитывают, что в целом принципы стилистической стратификации языка и словарного описания отдельных лексических групп разработаны недостаточно, поэтому системный анализ различных пластов лексики, выделенных по стилистическим критериям, особо важен для работы в области толковой лексикографии.

1. О понятии “просторечие” и его словарном отражении

Довольно богатый и в то же время непростой для изучения языковой материал представляет просторечная лексика. Обращение к данным словарей иллюстрирует противоречивость самого понятия “просторечие”, дискуссии о котором ведутся уже несколько десятилетий (а если брать за точку отсчета классические работы Б.А. Ларина, В.В. Виноградова и др., то скоро уже век), см. [6]–[16]; ср. также [17]–[19]. Важно, что во многих публикациях во главу угла ставится лексикографический аспект [20]–[26].

К теоретическим сложностям, возникающим при определении понятия “просторечие”, следует отнести проблему разнородности состава его носителей и неустойчивость границ этой подсистемы, активно взаимодействующей с другими разновидностями русского языка. Известно, что основу просторечия составляют диалектные и жаргонные слова, вместе с тем, большое количество элементов просторечия проникает в разговорную речь (неслучайно некоторые исследователи используют такие составные термины, как “разговорно-просторечная лексика”, “разговорно-сниженная лексика”).

В связи с этим ценной теоретической находкой представляется выделение просторечия-1 и просторечия-2. Считается, что просторечие-1 используется “горожанами старшего возраста, не имеющими образования (или

¹ В данной работе Л.П. Крысина рассматриваются разные вопросы, связанные с обновлением толковых словарей русского языка.

имеющими начальное образование), речь которых обнаруживает явные связи с диалектом и полудиалектом” [10, с. 56]. Просторечие-2 обычно связывается с “горожанами среднего и молодого возраста, имеющими незаконченное среднее образование, не владеющими нормами литературного языка”, при этом отмечается, что “их речь лишена диалектной окраски и в значительной степени жаргонизирована” [Там же]. Языковое своеобразие (и одновременно различие) выделяемых видов просторечия заключается в том, что просторечие-1 занимает промежуточное положение “между литературным языком и территориальными диалектами”, в то время как просторечие-2 балансирует “между групповыми и профессиональными жаргонами, с одной стороны, и литературным языком — с другой” [10, с. 64], ср. [27].

Подобные теоретические сложности влекут за собой и сложности прикладного характера, связанные, в частности, с проблемой отражения в толковом словаре функционально-стилистических особенностей просторечных слов (шире — единиц сниженной лексики). Показательно, что в лексикографической практике продолжает подниматься вопрос о невозможности использования в современном словаре пометы *Прост.* [28], предлагаются другие пометы — “сниженное”, “разговорно-сниженное”, “народно-разговорное” и др. [29]; [30]. Зыбкость и постепенное размывание границ просторечия и сопредельных разновидностей современного русского языка приводят к тому, что те или иные лексические единицы не могут быть однозначно отнесены к определенной подсистеме, отчего нередко наблюдается расхождение между разными словарями при определении стилистического статуса одного и того же слова. Важно при этом подчеркнуть, что помета *Прост.* как средство маркирования в толковом словаре сниженной лексики не исчерпала себя. Наряду с другими пометами она сохраняет свою роль, по крайней мере, в поддержании преемственности в стилистическом словарном описании лексики и в изучении, по данным толковых словарей, эволюционных стилистических процессов.

2. Направления изменений в употреблении просторечной лексики

Традиционно просторечие характеризовало язык представителей определенных слоев общества в зависимости от социального происхождения и уровня образования: лиц

с минимальным уровнем образования, родившихся в сельской местности или беднейшей городской среде (просторечие-1). Сейчас такие носители языка остались только среди представителей самого старшего поколения, но и их речь испытала существенное влияние нормативного языка средств массовой информации и языка младших поколений семьи.

В связи с этим следует признать, что сегодня активными “участниками” различных лексических процессов, происходящих в подсистеме просторечия, являются в первую очередь элементы просторечия-2, взаимодействующего с социальными и профессиональными жаргонами и разговорной речью, что делает его своеобразным проводником жаргонизмов в живую речь [31]. Единицы же просторечия-1, являющегося маркером “необразованной” речи преимущественно старших по возрасту носителей языка и граничащего с диалектной подсистемой, чаще всего утрачивают актуальность, вытесняясь из активного словарного запаса (ср.: *баретки, бузила, вертячка (прост.) и вешала, водороина, герлыга, горно (обл.)*).

Работа над первыми томами АТoS показывает, что у значительного количества лексических единиц, которые прежде относились к просторечным и маркировались в МАС и других словарях пометой *Прост.*, сегодня наблюдается своего рода расширение функциональных возможностей и соответственно повышение стилистического статуса в связи с активным употреблением этих слов в качестве элементов разговорной речи [32]; [33]. В АТoS при таких лексемах ставится помета *Разг.*, например: *бедолага, болтаться* (‘проводить время зря’), *вкуснота, высоченный, газовать* и др. Немалое количество случаев перехода слова из просторечного в разговорный регистр подтверждает наметившуюся в современном русском языке общую тенденцию к увеличению пласта разговорной лексики и одновременному сокращению доли просторечных слов. Некоторые слова в русле этой же тенденции совершают своеобразный “скачок” от просторечия к нейтральному стилю, правда, таких случаев значительно меньше, например: *бобёр* ‘бобр’, *валять* ‘скатывая, придавать определенную форму чему-л. мягкому’; ср. также слово *боковина*, которое в МАС квалифицировалось как *Прост.* и *спец.*

Изменения в употреблении просторечной лексики происходят и по пути выхода лексем из активного словарного запаса. Различные

экстралингвистические, в том числе и социальные, изменения приводят к утрате актуальности пометы *Прост.* при словах, которые сегодня едва ли можно считать активно используемыми в повседневной речи, например: *авось-либо, взмостить(-ся), выфрантиться, всегда, заместо, запивоха, издамече, избидеть(-ся), недохватка, непогодь, нешто, остатний* и др. Такие языковые единицы если и используются в наше время, то с определенными коммуникативными целями, например, для языковой игры, стилизации или в качестве средства создания иронии; возможно, их стоило бы относить к числу устаревших или областных слов, нежели просторечных².

Впрочем, относительно вектора движения стилистического статуса слов высказываются и другие точки зрения. Так, Е.В. Титова [21], проанализировав четыре издания словаря С.И. Ожегова (с 1973 по 2004 г.) на предмет изменения стилистической характеристики слов, выявила 407 случаев смены стилистической окраски, заметная часть из которых – 252 слова (61,8%) – опустилась в более низкие стилистические пласты, а 155 единиц (38,1%) повысили свой статус. Примечательно, что из единиц второй группы в большинстве случаев просторечные перешли в разговорные (ср.: *везучий, дублёрка, хамить*), а разговорные стали нейтральными (ср.: *бракодел, напарник, фланировать*). Выявлено также 4 случая перехода из просторечного в нейтральный пласт лексики; при этом исследовательница пишет, что ей “субъективно трудно согласиться с отнесением этих слов (особенно *выключнуть, ознобить* и *уворовать*) к нейтральной лексике” [Там же, с. 309]. Титова приходит к выводу о том, что повышение стилистического статуса прежде сниженных слов говорит “о снижении планки, о снижении требований к слову, т.е., в конечном счете, об общем снижении речи” [Там же].

В работе [34] сравниваются пометы при словах, называющих лиц женского пола, в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (1992) и МАС (1999). Исследователь выявляет 47 семантем (значений исследуемых слов), общих для двух словарей, из которых 17 (36,2%) изменяют стилистическую окраску. Автор утверждает, что существенно чаще отмечается понижение их статуса – 70,6% от общего

количества единиц, которые подверглись каким бы то ни было изменениям.

Несмотря на различие высказываемых исследователями точек зрения, безоговорочно принимать одну из них было бы поспешным решением, поскольку необходимо признать, что процесс перехода языковых единиц из одной подсистемы в другую не является линейным и однонаправленным. Представление об изменении стилистической окраски элементов сниженной лексики только как о движении в сторону понижения либо повышения статуса является, несомненно, упрощением действительности [35].

3. Словарная работа: теория и практика

Материалы толковых словарей, аккумулирующих лексику языка, позволяют проводить сплошное обследование интересующих лингвиста лексических групп. Результаты таких исследований имеют как теоретическое значение (например, в плане уточнения природы стилистических явлений, анализа общих стилистических закономерностей и тенденций), так и практическое применение (при составлении новых толковых словарей).

Основу словника АТoS составляют лексические и фразеологические единицы книжной, или кодифицированной, и разговорной разновидностей современного русского литературного языка. Однако состав словаря расширен по сравнению с МАС за счет наиболее употребительных слов просторечного и – в меньшей степени – диалектного происхождения, а также лексем, восходящих к социальным и профессиональным жаргонам, в числе которых и слова, в толковых словарях дающиеся с пометами *груб., вульг., бран.* (*алкаш, амбал, бабки ‘деньги’, баксы, борзеть, вздрючить, грохнуть ‘убить, застрелить’, зараза, придурак, прокол, тусовка* и др.). Введение в АТoS таких лексических единиц не случайно – оно поддерживается длительной традицией отечественной толковой лексикографии [5, с. 7].

Словник пополнился также специальной (научной, технической, медицинской, спортивной, садоводческой, театральной и т.п.) терминологией, иноязычными заимствованиями, в особенности актуальными терминами, вышедшими из сферы узкоспециального употребления (например, *браузер, гиперссылка, драйвер* и т.п.), что вполне соответствует наблюдаемому в последние годы процессу детерминологизации научной лексики, активному

² Другой вариант – пометка при таких словах двойной пометы *Прост. устар.*, имеющейся в МАС.

вхождению специальных слов в разряд общепотребительных. Такое стремление лексикографов отразить значения, которые появились в языке в последнее время и актуальны для нынешнего состояния русского языка, сочетается с регулярным выведением из словника безусловно устаревших или редких слов, использование которых не подтверждается современными текстовыми примерами.

На основе стилистических помет, используемых в МАС, сложилась система помет АТоС, однако при этом в последнем появились также новые пометы, представляющие информацию о сфере употребления, функциональных особенностях и стилистической окраске слова, например, пометы *жарг.* (жаргонное слово или значение слова; помета ставится при словах, которые пришли в литературный язык из социальных и профессиональных жаргонов и сохраняют следы своего жаргонного происхождения) и *сленг.* (сленговое слово или значение — для слов, не имеющих ясно определяемой связи с каким-либо конкретным жаргоном), *эвфем.* — эвфемизм и др. При размытости границ между подсистемами русского языка и отсутствии в лингвистике единых принципов стилистической стратификации лексики важным представляется тот факт, что в списке сокращений АТоС некоторые пометы не просто расшифровываются, но и сопровождаются краткой характеристикой, позволяющей отличить их от других помет. В контексте данной работы важно, например, указание на то, что помета *Прост.* “приписывается словам, которые на воображаемой шкале стилистических различий занимают место ниже разговорных и употребляются в эмоционально раскованной повседневной речи” [3, т. 1, с. 34].

В ходе исследования первоначально методом сплошной выборки (по помете *Прост.*) был обследован МАС, уточнены стилистические характеристики отобранных слов с привлечением ряда других словарей (БАС-1 [36]; СУш [37]), в том числе новейших (БАС-3 [38]; ТСРРР [39]; ТСРЯ [40]), и данных НКРЯ [41]. В результате этого был составлен словарь разговорной лексики просторечного происхождения объемом более 800 слов на всем алфавитном пространстве словаря (с учетом как однозначной, так и многозначной лексики).

При сопоставлении данных МАС и АТоС удалось выявить ряд вариантов перехода просторечной лексики в другие стилистические пласты. В первых двух томах АТоС

(алфавитный отрезок А–Г, включающий свыше 12 000 слов) содержится около 270 слов и фразеологизмов, в МАС имевших помету *Прост.*, но получивших в новом словаре иные стилистические пометы. Из них значительное количество слов, а именно 156 (58%), повысило свой стилистический статус. Самыми частотными вариантами перехода являются *Прост.* → *Разг.*, *Прост.* → отсутствие пометы (нейтральный стиль) и *Прост.* → *Прост. устар.*, что соотносится с общей направленностью вектора движения просторечных слов либо в сторону разговорной и реже книжно-письменной разновидности литературного языка (это касается как просторечия-1, так и просторечия-2), либо по пути выхода из активного словарного состава языка (просторечие-1).

Наиболее распространенным путем повышения стилистического статуса просторечных слов является переход из *Прост.* в *Разг.* В первых двух томах АТоС выявлено 144 случая такого перехода, при этом отмечено лишь 20 слов (т.е. в 7 раз меньше), которые в АТоС понизили свой стилистический статус (например, отсутствие пометы → *Прост.*: *бумажный* ‘хлопчатобумажный’, *взлезть*, *въезд* ‘место подъема, въезда’, *внучонок*, *выхлебнуть*). Существенны наблюдения относительно общего количества случаев постановки некоторых стилистических помет в обоих словарях. Так, помета *Прост.* встречается 834 раза в АТоС и 875 раз в соответствующей алфавитной части (А–Г) МАС; помета *Разг.* — 1967 раз в АТоС и 1423 раза в МАС, помета *Обл.* — 134 раза в АТоС и 159 — в МАС [33]. Указанные численные показатели служат убедительным аргументом в пользу действия упомянутой выше тенденции к расширению пласта разговорной лексики и сокращению числа просторечных и областных слов.

К словам, которые сегодня оцениваются как повысившие стилистический статус от просторечного до разговорного, можно отнести, например, такие: *аппетитный* ‘привлекательный, соблазнительный’, *баранка* ‘рулевое колесо автомобиля’, *башка*, *бедалага*, *беситься* ‘резвиться, шалить’, *бесстыжий*, *бзик*, *болтаться* ‘проводить время зря’, *вагон* ‘очень много’, *вертихвостка*, *верхотура*, *вахлёб*, *вкуснота*, *выкать*, *высоченный*, *газовать*, *гудеть* ‘непрерывно болеть, ныть’, *докатиться* ‘дойти до чего-л.’, *докопаться* ‘доискаться, разузнать’, *дрейфить*, *дрянце*, *жадина*, *жуткий* ‘чрезвычайный, крайний по силе, степени

проявления', *заварка* 'заваренный, настоявшийся чай', *загогулина*, *ззорный*, *закруглиться* 'сократив, привести к концу', *залезть* 'надеть на себя что-л.' (ср.: залезть в халат), *заскочить* 'зайти, забежать', *исхитриться*, *карабкаться* 'подниматься, взбираться с большим усилием', *махнуть* 'отправиться, поехать куда-л.', *напороться* 'неожиданно встретиться, столкнуться с кем-, чем-л. неприятным, нежелательным; нарваться', *подкинуть* 'подвезти, довести куда-л.', *прикипеть* 'сильно привязаться', *провальный* 'такой, который обречен на провал', *цепляться* 'привязываться, придирается' и др.

Примечательно стилистическое поведение ряда экспрессивных приставочных глаголов. Многие из них, имевшие ранее просторечную окраску, в современном языке употребляются как разговорные или близкие к нейтральным: *избаловаться* 'стать непослушным', *излупить*, *искорёжить*, *исхитриться*; *отфутболить* (это частотное сейчас слово характеризовалось в МАС как *Груб. прост.*), *отхватить* 'забрать себе, захватить, присвоить'; *приболеть*, *припоздниться*; *разжиться* 'раздобыть, получить что-л.', *раззвонить*; *сморозить*, *смотаться* 'уйти, сбежать; быстро сходить или съездить куда-л.', *смыться* 'быстро или незаметно уйти, удалиться откуда-л.' и др. Ср.:

МАС:

ЗАКРУГЛИТЬСЯ, -лю сь, -ли шься; *сов. (несов. закругляться)*. 1. Стать закругленным, округлым.

2. *перен. Прост. ирон.* Сократив, привести к концу, кончить (речь, выступление). [*Потанов:*] *Вы закруглились?* [*Гринева:*] *Да!* [*Потанов:*] *Теперь послушай меня.* Софронов, Московский характер.

Возможная модификация:

ЗАКРУГЛИТЬСЯ, -лю сь, -ли шься; *сов. (несов. закругляться)*. 1. Стать закругленным, округлым.

2. *перен. Разг.* Привести к концу, кончить (своей дела, речь, выступление и т.п.). *Моя лекция, по-видимому, мало их заинтересовала. Настроение слушателей передалось и мне, — я поспешино и вяло закруглился.* И. Меттер. Пятый угол. *Организатор вечера попросил его закруглиться к девяти, и вот, без всякого усилия, ответив на все --- записки, он кончил минуту в минуту в девять.* В. Библихин. Сергей Сергеевич Аверинцев. — *Закругляйтесь, молодые люди, — сказала официантка, подсчитывая выручку на счетах.* С. Марков. Карточный домик.

В некоторых случаях отмечается переход в разговорный регистр целых словообразовательных гнезд, например: *барахлить* '1. работать плохо, с перебоями; 2. плохо функционировать, болеть', *барахло* '1. вещи домашнего и личного обихода; 2. негодные вещи; хлам',

барахолка. Важно учитывать, что элементы одного словообразовательного гнезда могут иметь разную стилистическую окраску и получать, соответственно, разные пометы. Например, слово *бомж* в АТос дается с пометой *Разг.*, в то время как *бомжатник*, *бомжеватый*, *бомжиха*, *бомжовый* — *Прост.*; слова *бабёнка* и *бабий* 'свойственный женщине, такой, как у женщины', в МАС имевшие помету *Прост.*, в АТос снабжены пометой *Разг.*, однако введенные в словник *бабенция* и *бабец* даны с пометой *Прост.*

Любопытным примером могут служить и слова типа *ахнуть*, *бацнуть*, *двинуть*, *заехать*, *залепить*, переходящие в своих сходных вторичных значениях ('ударить / сильно ударить') из просторечных в разговорные (притом что в современной ситуации сниженного непосредственного общения предпочтение может быть отдано более грубым, внелитературным единицам).

Следует отметить, что далеко не всегда изменения в стилистической окраске тех или иных лексем или лексических групп можно передать заменой одной пометы другой. Процессы, которые должен осмыслить и отразить составитель современного толкового словаря, весьма разнородны.

Так, для ряда слов (значений, оттенков значений), имевших в МАС помету *Прост.*, в современном русском языке наиболее точно подходит сочетание пометы *Разг.* с пометами, указывающими на эмоционально-экспрессивную окраску слова (*Разг. неодобр.*, *Разг. пренебр.* и др.); см., к примеру:

ДУРЁХА, -и, *ж.*, *одуш.* *Разг. пренебр.* Дура, глупая женщина. ... *Дурёха [Глафира Ивановна] действительно ничего не соображала, а только тарачила на него [следователя] светлые, со слезой, пустые от страха и бестолковости глаза и либо молчала, либо порола несуряцицу.* Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей.

ЗАЖАТЬ¹ ... || *перен. Разг. неодобр.* Удержать, утаить или не вернуть что-л. обещанное, причитающееся (обычно деньги). ... — *Что это? — спросила мама. Я объяснил ей, что отец велел мне отдать этот рубль мужикам в купе, а я зажал.* А. Рекемчук. Мамонты.

Такое сочетание помет может сопровождать и единицы одного словообразовательного гнезда. Например, двойная помета *Разг. неодобр.* присвоена в АТос каждому из слов цепочки *бахвал*, *бахвалка*, *бахвалиться*, имевших в МАС помету *Прост.*

Очевидно, что в подобных случаях при повышении стилистической окраски слова или однокоренных слов сохраняется морально-этическая оценка обозначаемых ими предметов, действий и т.д.

3.1. Верификация стилистической характеристики лексики: словари и корпусные данные

Верификация словника единиц разговорной лексики просторечного происхождения показала важность индивидуального подхода к каждому такому слову, детального обсуждения его стилистического статуса (с учетом лексикографических, корпусных, статистических данных) членами словарного коллектива. Так, в процессе проверки первоначально подготовленного словника единиц, перешедших из *Прост.* в *Разг.*, стало ясно, что некоторые слова целесообразно исключить из него, поскольку они по разным показателям сохранили более сниженную стилистическую окраску, ср.: *докуда, долбёжка, закорки, забористый* и др. Вспомогательным, но эффективным методом верификации условно “новой” разговорной лексики стали опросы носителей языка, принадлежащих разным возрастным, профессиональным и социальным группам. Этот опыт подтвердил важность системного подхода к изучению стилистических изменений в лексике русского языка.

Очевидно, что лексика рассматриваемого типа имеет свою специфику, которая должна учитываться при составлении соответствующего словника и его последующей проверки. Наблюдения показывают, что из ресурсов НКРЯ для верификации такого словника целесообразно привлечение прежде всего данных по художественным, а также газетным текстам. Частотность тех или иных предположительно “новых” разговорных единиц в художественных текстах (особенно последних десятилетий), их использование для речевой характеристики персонажей говорят в пользу включения таких единиц в словник современного толкового словаря. Необходимо подчеркнуть в этой связи важность обращения при верификации разговорного словника к другим сетевым ресурсам: поисковым системам типа “Google Книги”, к электронным библиотекам художественной литературы (Библиотека Максима Мошкова и др.), к архивам “толстых” журналов (“Знамя”, “Новый мир” и др.) и т.д.

Процедура верификации словника, предполагающая сопоставление большого количества источников, позволила и увеличить ресурс

для обновления иллюстративной зоны словарной статьи.

Словарь среднего типа принципиально отличается от однотомных толковых словарей включением в статьи более обширного иллюстративного материала. Как известно, здесь, наряду с традиционно используемыми в лексикографии речениями, которые призваны показать типичную для слова употребительность и сочетаемость, используются текстовые примеры, где имплицитно дается информация и о других важных характеристиках функционирования лексемы в языке: прагматических особенностях, хронологической привязке и др. Ограничения, налагаемые традиционной книгоиздательской формой, всегда вынуждали составителей словарей уменьшать в объеме эту структурную часть словарной статьи, сокращая и урезая примеры. Переход к электронной форме представления лексикографических трудов со временем позволит не только обеспечить дополняемость и актуальность словника и словарных описаний, но и с достаточной полнотой сопровождать их иллюстративной информацией, поскольку зачастую именно в контексте становятся более очевидными и значение слова, и особенности его функционирования в языке.

Разумеется, чтобы констатировать повышение стилистического статуса слова, составители словаря учитывают такой немаловажный фактор, как частотность его употребления в современных текстах. НКРЯ позволяет отследить динамику употребления того или иного слова.

Так, например, слово *бзик* встречается уже в текстах 1-й пол. XX в. (ср.: *Ты видел, — проворчал Буратино, — у нее бзик в голове — мыться, чистить зубы!* [А.Н. Толстой. Золотой ключик, или Приключения Буратино (1936)]), однако с 1960-х годов частотность употребления этого слова начинает расти: ср. в основном корпусе НКРЯ 4 вхождения, датированные 1925–1936 гг., против 66 вхождений с 1960 г. по настоящее время.

Поиск в основном корпусе по глаголу *исхитриться* показывает следующее соотношение: 16 вхождений в текстах 1863–1954 гг. и 177 вхождений с 1963 г. Ранние тексты с лексемой *баранка* ‘рулевое колесо’ встречаются с 1930-х годов, однако в 1950-е годы слово в этом значении начинает употребляться заметно чаще (ср. 15 вхождений в текстах с 1932

по 1954 г. и более 60 вхождений за десятилетие с 1956 по 1965 г.).

Любопытным примером выступает слово *зануда*, имеющее в МАС впечатляющий набор помет — *Груб. прост., презр. и бран.* (!) — при вполне нейтральном значении ‘очень нудный и надоедливый человек’ (ср.: *нуда* ‘нудный человек’ с пометой *Прост.*). В НКРЯ обнаруживаем 492 вхождения в основном корпусе, причем преимущественно без сильно выраженного сниженного оттенка, например:

— *Катя, — спросил он жену, — скажи, неужели и я такой же зануда, как наша Анька?* [Г. Николаева. Битва в пути (1959)];

Матерью всегда восхищался и поражался ее силе. Я — слабак рядом с нею, нытик и зануда [М. Козаков. Актерская книга (1978–1995)];

Голос-то был обаятелен, а то, что он говорил, — нудно до зубной боли. “Ну и зануда же отец у тебя, — думала я, жалея мальчика <...>” [И. Грекова. В ватоне (1983)];

Совсем напрасно Нина назвала родителей занудами. Да, отец иногда говорит довольно долго, ровным голосом — потому что у него спокойный характер, — но говорит-то вещи всегда правильные, Светлана даже любит его слушать [А. Слаповский. Гибель гитариста (1994–1995)];

Коза оказалась строгой учительницей, следила за Таниной работой, чтобы всё было по правилам, — так её учил когда-то бывший муж, педант и зануда [Л. Улицкая. Казус Кукоцкого (2000)];

Директором работал такой говорливый умник и зануда [Е. Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007)];

Рано или поздно он из тебя сделает... — ... страшную зануду, знаю, знаю. Научусь мыть ручки перед едой, пользоваться таблицей интегралов, правильно произносить слово “прецедент” или “феномен” [Е. Завершнева. Высотка (2012)];

Звали ее Трофимова Алина Леонидовна, лет ей было чуть больше двадцати пяти и была она надменной не улыбочивой занудой [М. Зосимкина. Ты прощешься (2015)].

Такую неожиданную характеристику слово *зануда*, вероятно, могло получить в связи с тем, что на момент составления МАС и его 1-го издания (1957–1961) оно было малоупотребительным и достаточно грубым, сохраняя связь с инвективной лексикой; ср.: *Через год она его бросила, обзавав на прощанье бюрократом, слизняком и совсем уже грубо — занудой* [В. Панова. Ясный берег (1949)].

Парадоксально, что лексема *нуда*, отмеченная в МАС как более приемлемая и, по сравнению со словом *зануда*, не отягощенная таким количеством стилистических помет, в современном языке малоупотребительна; ср. в НКРЯ самый поздний контекст (притом

что из 38 вхождений примеры на это значение единичны):

— *Завтра утром. — Но только чур Толе об этом не говорить, а то он такая нуда* [Л. Зуров. Иванда-марья (1956–1969)].

В многочисленных примерах употребления слова *зануда* обращает на себя внимание тот факт, что очень часто, особенно в текстах последних десятилетий, эта лексема употребляется в достаточно нейтральных контекстах и по отношению к родным и близким (родителям, супругам, друзьям, коллегам), что входит в противоречие с пометами *Бран.* и *Презр.*, приписываемыми лексеме в МАС. Более того, анализ примеров позволяет дополнить толкование ‘очень нудный и надоедливый человек’ компонентом ‘излишне внимательный к мелочам, педантичный’.

Характерно, что в МАС отсутствуют глагол *занудствовать* и существительное *занудство*, употребление которых НКРЯ фиксирует с 1970-х годов, а значение коррелирует с современными употреблениями лексемы *зануда*.

3.2. Сокращение просторечного пласта лексики в свете корпусных данных

Обращение к корпусному материалу дает составителям современного толкового словаря основания пересматривать лексикографическое представление малоупотребительной сниженной лексики.

Как отмечалось выше, показательны случаи, когда лексемы оказываются нехарактерными для современной речи. Становясь еще более сниженными, смещаясь в сторону других пластов, они получают новые пометы или сочетания помет: *Прост.* → *Обл.* (*ботать* ‘стучать, ударять’); *Прост.* → *Прост. устар.* (*аспид*¹ ‘о злом, коварном человеке’, *бабничать*, *бородастый*, *вечёрка* ‘вечеринка’ и др.; отмечен такой переход единиц в составе словообразовательных гнезд: *анафема* и *анафемский*, *балясник*² ‘шутник, веселый рассказчик; болтун’, *балясничать* и *балясы* в составе фразеологизма *балясы точить*); *Прост. устар.* → *Устар.* (фразеологизм *аредовы веки жить*) и т.п. Некоторые решения по замене помет, возможно, небесспорны, однако важно учесть, что принимались они по результатам процедуры верификации, о которой речь шла выше.

Неупотребительные лексемы и отдельные значения, имевшие ранее помету *Прост.*, целесообразно не включать в современный словарь.

К ним можно отнести такие слова из МАС, как: *аварийщик* ‘нерадивый работник, допускающий аварии’, *баретки*, *бузила*, *вернуть* ‘повернуть один раз’, *вертячка* ‘о легкомысленном, непостоянном, ветреном человеке’, *встречу* ‘навстречу’, *давнуть*, *давывать*, *дантист* ‘о человеке, применяющем кулачную расправу’ (это существительное уже в МАС маркировалось сочетанием помет *Прост. устар.*), *двойшка* ‘двойчатка’, *доглядчик*, *доглядчица*, *драньё*¹ ‘действие по глаг. драть (в 1, 2, 4, 6 и 8 знач.)’, *драньё*² ‘то же, что дранка (в 1 знач.)’, *драч*² ‘человек, снимающий шкуры с убитых или павших животных’, *жамкнуть* ‘сдавить, стиснуть; сжать’, *закомуристый* ‘мудреный, хитрый’, *закрутасы* (тоже *Прост. устар.*), *залишек*, *запьянцовский* ‘1. неумеренно пьющий; 2. свойственный пьянице’, *захряснуть* ‘1. увязнуть в грязи; 2. затвердеть, застыть’, *изолировка* ‘2. изоляционная лента’, *опить* ‘выпив много какого-л. питья у кого-л., причинить ему этим ущерб’ и т.п. Из словника могут исключаться и словообразовательные гнезда, например, *дрызгать*, *дрызгаться*, *дрызготня*.

В ряде случаев бывает сложно принять твердое решение об исключении некоторых слов или отдельных значений, которые, с одной стороны, могут оцениваться как неактуальные, с другой стороны, имеют давнюю историю отражения в словарях. Так, трудно назвать актуальным слово *драла*, которое толкуется в МАС посредством формы глаголов прошедшего времени мужского рода ‘убежал, удрал’. Такое же толкование можно обнаружить в СУш (с пометой *простореч. вульг.*) и ТСРЯ (*прост.*); в БАС-1 и БАС-3 слово толкуется с помощью инфинитивных форм ‘удрать, убежать’ с пометой *Прост.*, в ТСРРР зафиксирован фразеологизм *дать драла* с пометой *устар.*; важно отметить, что в БТС это слово не нашло отражения.

Непросто сформулировать и особенно проиллюстрировать выделенное в МАС с пометой *Прост.* значение глагола *драть* ‘производить нестройные резкие звуки, играя на музыкальных инструментах’. В НКРЯ только два примера, которые с некоторой долей условности можно отнести к иллюстрирующим выделенное значение:

Шапиро прервал игру, весь покрылся красными пятнами и изо всех сил стал востить смычком по струнам, драть [В. Бутенко. МОМАНькины дети (1997)];

Кто-то драл гармонику над ухом у моей лошади, которая крупно вздрагивала, не двигаясь с места... [Р. Шмарак. Лошадь (2013)].

В СУш, ТСРЯ и ТСРРР это значение не отражено, в БАС-1 находим толкование ‘орать, кричать; громко петь, нестройно играть на каком-л. инструменте и т.п.’, в БАС-3 – ‘громко кричать; громко и неблагозвучно петь, играть на каком-л. музыкальном инструменте’ (в обоих словарях значение квалифицируется как просторечное), причем и в МАС, и в БАС-1, и в БАС-3 это значение неизменно иллюстрируется контекстом из басни И.А. Крылова ‘Квартет’: *Проказница Мартышка, Осел, Козел Да косялый Мишка Затеяли сыграть Квартет. --- Ударили в смычки, дерут, а толку нет.* Вероятно, данное значение вытекает из предшествующего (в МАС) значения ‘раздражать, вызывать боль, неприятное ощущение’, тогда его следовало бы рассматривать как оттенок значения. Добавим, что в БТС при основном значении ‘раздражать, вызывать боль, неприятное ощущение’ выделен оттенок ‘раздражать слух, зрение’, иллюстрируемый примерами: *Плохая игра на скрипке слух дерёт. Металлический скрежет дерёт уши. Грубая пестрота росписи дерёт зрение.*

В некоторых случаях, однако, сохранение стилистически маркированных единиц в словнике представляется оправданным. Помета *Прост.* в таких случаях может выступать и как своего рода запретительная. Например, в словаре имеет смысл отразить широко употребительное сегодня, но при этом с точки зрения культуры русской речи считающееся ошибочным использование глагола *занять* в значении ‘одолжить’. Это значение в толковом словаре может быть описано следующим образом:

ЗАНЯТЬ ... 2. *обычно кому и без доп. Прост.* Дать взаймы; одолжить. – *Займи, бога ради!* – сказал Лаевский, видя по лицу Самойленка, что он хочет дать ему денег и непременно даст. – *Займи, а я непременно отдам. Вышло из Петербурга, как только приеду туда.* А. Чехов. Дуэль. *Конечно, если бы вы выиграли сто тысяч, то, вероятно, заняли бы мне целую пятерку.* И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев. *Ты знаешь Вовку Золотарева из моего подезда, конечно? Он тебе займет денег. У него всегда деньги есть.* Э. Лимонов. Подросток Савенко.

Так в толковом словаре будет зафиксировано живое языковое явление, в то же время помета *Прост.* будет сигнализировать о том, что в настоящий момент подобное словоупотребление не является нормативным.

3.3. Судьба словообразовательных дублетов, различающихся стилистической окраской

Данные НКРЯ и материалы словарей подтверждают также представление о том, что сфера сниженной речи (в частности, просторечия) сильно зависит от языковой моды: многие характерные для XIX в. и даже для первой половины XX в. слова трудно представить в речи современного человека (*верезжание, волосастый, вмятить* и др.). Среди них отмечается большое количество словообразовательных дублетов, причем многие слова такого рода, оставаясь понятными носителям языка, малоупотребительны. Особенно показательны в этом отношении приставочные глаголы (*вбросать, вкпать, вкидать, вскоробить, всовать, выбросать, вызимовать*).

Нередко сделанные наблюдения приводят составителей словаря к решению исключить из словника один из вариантов. Интересно, что при этом может наблюдаться разнонаправленное изменение стилистической окраски слова: одно из слов оказывается более окрашенным / менее употребительным и уходит за пределы общенационального языка, тогда как более удобный вариант сохраняется, иногда параллельно повышая свой стилистический статус. Ср. примеры, где первый член пары следует исключить из словника: *закрутасы* (*Прост. устар.*) vs *выкрутасы* (*Разг.*); *запивоха* (*Груб. прост.*) vs *выпивоха* (*Груб. прост., презр.* в МАС и *Прост. презр.* в АТoS); *запоганить* (*Прост.*) vs *испоганить* (*Прост., сейчас скорее Разг.*); *изнаглеть* (*Прост.*) vs *обнаглеть*; *изгибнуть* (*Прост. устар.*) vs *погибнуть*; *обезьянить* (*Прост.*) vs *обезьянничать* (*Разг.*); *одноутробный* (*Разг. устар.*) vs *единоутробный* (*Устар., но скорее Книжн.*); *обжог* (*Прост.*) vs *ожог*; *околесить* (*Прост.*) vs *исколесить* (*Разг.*); *окровенить* (*Прост.*) vs *окровавить*.

Встречаются и случаи более сложного сосуществования близких лексем.

МАС:

ЗАКАВЫ́КА, -и, ж. *Прост.* То же, что *закавычка*. — Слова попросту не скажет, а все с *закавыкой*. Шолохов, Они сражались за Родину.

ЗАКАВЫ́ЧКА, -и, род. мн. -чек, дат. -чкам, ж. *Разг. 1.* Замысловатый завиток, крючок (в письменных знаках); закорючка. — А это — ноты. Боже, какая сумятица *закавычек* и *хвостов*! Федин, Братя.

2. Препятствие, помеха, задержка.

3. Хитрость, лукавство, хитрый намек. *Написал [Митенька] умненькое этакое письмецо с *закавычками* небольшими: хотелось ему объяснить, что он*

обязан к матери быть благодарен и почтителен. Писемский, Фанфарон.

Возможная модификация:

ЗАКАВЫ́КА, -и, ж. *Разг.* Затруднение, помеха, подвох. *Подземный ход кончился. — Вот *закавыка*. Тупик!* — сказал нам озадаченный Валериан Дмитриевич! В. Беляев. Старая крепость. *Пусть в романе будут лишь маленькие странности, лишь отдельные мудреные кусочки, которые не проглотить не разжевав. --- И пусть, перечитав его, читатель задумается и скажет: “Нет, не так-то это всё просто! Что-то тут есть, какая-то *закавыка*”.* Г. Алексеев. Зеленые берега. — *Понимаешь, Ян, какая *закавыка*: возник у меня на пути один интересный человек, и никак мне с ним не удается встретиться.* П. Галицкий. Цена Шагала. — *Мальчик мой, — проговорил мягко Аркадий Викторович. — --- У нас с вами впереди — огромные дела. --- Но это — потом, и пока — молчок. Есть только одна *закавыка*: деньги, деньги!* Д. Рубина. Белая голубка Кордовы.

ЗАКАВЫ́ЧКА, -и, род. мн. -чек, дат. -чкам, ж. *Разг. устар. 1.* Замысловатый завиток, крючок (в письменных знаках); закорючка. *Вскоре весь домик наполнился визжанием скрипки, прерываемым иногда скрипом пера, которым Сусликов довольно быстро водил по бумаге, выставляя крючки и *закавычки*.* Д. Григорович. Капельмейстер Сусликов.

2. Препятствие, помеха, задержка. [*Купец*], *продолжая смотреть на детей, говорил: — Дать бы вот им по гривенничку на гостинцы... да, поди, нельзя? Не примут? — Неловко, — сказал Шебуев, усмехаясь. — Э-эх! *Закавычки* всё везде... это вот вы, образованные, человека стесняете! Неловко!* М. Горький. Мужик.

3. Хитрость, лукавство, хитрый намек. *Написал [Митенька] умненькое этакое письмецо с *закавычками* небольшими: хотелось ему объяснить, что он обязан к матери быть благодарен и почтителен.* А. Писемский. Фанфарон.

4. Стилистическая окраска единиц определенного словообразовательного типа: слова на -ка

Следует отметить, что группирование в своего рода словообразовательные типы оказывается достаточно характерным для просторечной и разговорной лексики. Исследование подобных лексических групп подтверждает, что постановка стилистической пометы требует, с одной стороны, системной работы со словами, имеющими общий словообразовательный формант, с другой — индивидуального подхода к каждому такому слову.

Так, интересная динамика наблюдается у группы существительных на -ка, выступающих как разговорные дублеты атрибутивных и других типов словосочетаний: *аскорбинка* (*аскорбиновая кислота*), *неотложка* (*неотложная помощь*), *легковушка* (*легковая машина*) и т.п. Этот тип активизировался

в русском языке еще во второй половине XIX в.: *столовка*, *казёнка*, *вишнёвка*, *открытка* [42, с. 242, 916]. Слова, образованные по этой словообразовательной модели, являются сначала просторечными, жаргонными либо разговорными, однако постепенно, “проходя последовательные стадии привыкания, по мере которого экспрессивность ослабевает и постепенно стирается, такое слово иногда даже может достигнуть противоположного стилистического статуса” [43, с. 657].

При этом затруднительно сформулировать критерии, по которым формально сходные слова специалисты относят к просторечию, к разговорной речи либо к нейтральной лексике. Различия в стилистической оценке слов на *-ка* наблюдаются как при сопоставлении разных словарей, так и в пределах каждого из них в отдельности. Так, в МАС названия круп и каш из этих круп даются с пометой *Разг.*: *гречка*, *манка*, *овсянка*, *перловка*, однако при слове *пшёнка* стоит помета *Прост.*; названия помещений *сторожка*, *сушилка* считаются нейтральными, *караулка* и *курилка* – просторечными, *бытовка* и *временка* – разговорными; названия головных уборов *бескозырка*, *пилотка* и *треуголка* нейтральны, а *жокейка* сопровождается пометой *Разг.* Существительное *встречка* в ТСРРР сопровождается пометой *Проф.*, в АТoS – *Разг.*; *мешалка* в СУш *Обл.*, в МАС и БТС без пометы, в ТСРЯ *Прост.*, а в ТСРРР *Проф.* Не менее разнообразны оценки, которые дают этим словам носители русского языка. Как отмечал ещё в начале XX в. А. Горнфельд, “Мариинка нас возмущает, Александринка коробит меньше, к предварилке мы привыкли, а московские улицы – Варварка, Ильинка, Лубянка и даже – столько неуважительно – Покровка, Сретенка, Воздвиженка – кажутся просто незаменимыми. В Москве Знаменка и Владимирка естественны, но дурным тоном показалось бы нам, если бы так назвали в Петербурге Знаменскую и Владимирскую: так условны эти причуды языка, так из бытовых грубостей они становятся психологическими и стилистическими тонкостями” [44, с. 57].

Вопрос стилистической оценки слов на *-ка* весьма актуален: во-первых, многие из них, как уже было отмечено, постепенно меняют свою стилистическую окраску, во-вторых, у данной словообразовательной модели большой потенциал, и в современном русском языке постоянно появляются новые номинации

(*удалёнка* ‘удалённый доступ (к компьютерной сети)’, ‘удалённый режим работы’, *выделенка* ‘выделенная линия связи для подключения к интернету’, ‘полоса автомобильного движения, выделенная для общественного транспорта’, *стиралка* ‘стиральная машина’, *кредитка* ‘кредитная карта’, *дистанционка* ‘дистанционное обучение’ и мн. др.). Пополнение активного словарного состава новыми лексическими единицами ставит перед лексикографами проблему их стилистической квалификации, которая невозможна без их системного изучения. Ср. замечание Л.А. Капаназде: “Действие модели <...> на *-к(a)* безгранично, она чрезвычайно продуктивна в РР. Уходят из языка или устаревают те или иные номинативные обозначения <...> но сама модель не перестает быть активной” [45, с. 99].

Представляется, что такие словообразовательные типы имеет смысл рассматривать, распределив слова по семантическим группам. В рамках данной статьи обратимся к лексическим единицам, называемым: а) помещения (*бытовка*, *временка*, *пристройка*, *кочегарка*, *сушилка*, *курилка*, *подсобка*, *сторожка*, *раздевалка*, *читалка* и др.); б) продукты питания (названия круп и каш из них: *гречка*, *овсянка*, *манка*, *перловка*, *пшёнка*; *сгущёнка*, *тушёнка*; названия напитков: *анисовка*, *вишнёвка*, *рябиновка*, *перцовка* и др.); в) названия дорог (*бетонка*, *гравийка*, *грунтовка* и др.).

Общая тенденция, которую можно отметить для всех этих слов, – это повышение стилистического статуса, а именно переход из просторечных в разговорные или нейтральные.

Как уже было отмечено выше, даже при рассмотрении существительных на *-ка* из одной семантической группы обнаруживается их стилистическая неоднородность. В СУш *курилка* дается с пометой *Простореч.*, *раздевалка* – *Разг. фам.*, *читалка* – *Школьн. и вузовск.*, *арго*, *кочегарка* – *Тех.*, а *сторожка* и *пристройка* считаются нейтральными. В ТСРЯ все они маркируются пометой *разг.*, кроме существительных *временка* и *сушилка* (без пометы) и *читалка* (*Прост.*). Особый интерес представляет слово *раздевалка*, которое во многих словарях традиционно дается как разговорный вариант нейтрального (но в современном языке малоупотребительного) *раздевальня*.

Интересно, что в семантической группе “Помещения”, согласно словарям, не происходит перехода из разговорного пласта в нейтральный – только из просторечного в разговорный:

так, помета *Прост.* заменилась пометой *Разг.* при существительных *анатомичка, караулка, курилка, кутузка, парилка, подсобка, столовка, умывалка, читалка*. Словарные данные подтверждаются результатами нашего опроса, проведенного среди образованных носителей русского языка: методом анкетирования нам удалось подтвердить изменение стилистического статуса в сторону разговорного у слов *караулка, курилка, парилка и подсобка*³.

Однако словарные оценки слов на *-ка* не всегда совпадают с оценками носителей языка. Как показал опрос, *сторожка, кочегарка* – существительные, при которых в словарях отсутствуют стилистические пометы, – многие образованные люди оценивают как разговорные, а слово *раздевалка*, которое традиционно дается с пометой *Разг.*, напротив, считают нейтральным.

Несмотря на то, что эти слова со временем повышают стилистический статус, хронологический критерий (“чем старше слово, тем ближе оно к нейтральной лексике”) нельзя считать универсальным: так, по данным НКРЯ, нейтральная *сторожка* впервые отмечается в 1845 г., а просторечная (МАС) *караулка* – в 1791 г., нейтральная *сушилка* – в 1912 г., а просторечная *курилка* – в 1884 г.:

Вадим Петрович и во рту ощущал горечь от вчерашнего дня, в особенности от театра с его фойе, буфетом и курилкой [П. Боборыкин. Проездом (1884)].

И *подсобка*, и *бытовка* появились в 1960-е годы, однако *подсобку* словари несколько десятилетий давали с пометой *Прост.*, а *бытовка* сразу была маркирована *Разг.*

Несколько более последовательное действие хронологического фактора можно отследить на примере слов, называющих крупы и каши из них. Самыми ранними среди этих слов, согласно НКРЯ, являются *овсянка* и *гречка* (первое вхождение – 1847 и 1862 годы соответственно); в начале XX в. появляются *перловка, манка* и *пшёнка* (1903, 1910 и 1921 годы). Это отчасти находит лексикографическое отражение: так, в СУш отсутствует слово *пшёнка*, *перловка* снабжена пометой *Простореч.*, а *манка* – *Нов. простореч.* (слово *гречка* в СУш не вошло). В БАС-1 есть уже все эти слова, но если *гречка, овсянка, пшёнка* и *перловка* даются с пометой *Разг.*, то *манка* маркируется *Простореч.* В МАС из ряда разговорных выбивается,

как было указано выше, слово *пшёнка*. В современном употреблении эти слова, несомненно, не различаются по своей стилистической окраске, что отражено, в частности, в ТСРРР.

Интересную группу слов образуют названия алкогольных напитков, в которых производящей основой является существительное, обозначающее плод, на котором настоян данный напиток: *анисовка, вишнёвка, грушовка* и т.п. Многие из них даются в более ранних словарях с пометой *Разг.*: *анисовка* (СУш), *малиновка* (СУш), *пыльновка* (СУш, БАС-1), однако в современных словарях стилистические пометы при них отсутствуют (кроме слова *смородиновка*, которое в БТС маркируется *Разг.*, хотя даже в СУш и БАС-1 оно считается нейтральным). Думается, что большинство этих слов уже утратили свою разговорность, о чем свидетельствует, в частности, использование некоторых из них в качестве официальных наименований (“Перцовка”, “Рябиновка”, “Сливянка”, “Абрикосовка”).

Здесь, впрочем, следует отметить, что использование разговорного слова в качестве официального наименования не всегда говорит о смене его стилистического статуса. Так, слова *сгущёнка* и *тушёнка*, которые во всех словарях маркируются пометой *Разг.*, в последние годы можно увидеть на консервных банках и на магазинных ценниках. Производители используют в качестве официального названия обиходные названия данных продуктов, поскольку не имеют права указывать полные – “Молоко цельное сгущённое с сахаром” и “Свинина / говядина тушёная”: согласно стандартам такое название можно употреблять, только если продукт соответствует требованиям ГОСТа. “Сгущёнка” в данном случае – это не то же самое, что “молоко цельное сгущённое с сахаром”, т.к. она изготавливается по другой технологии, с добавлением крахмала и растительных жиров; “Тушёнка” – это не мясные, а мясорастительные консервы, с добавлением соевого белка и воды. Так, эксперты Роскачества пишут: «Что такое “тушёнка” и почему тушеную говядину этим обидным словом лучше не называть?»⁴. Однако представляется, что подобные маркетинговые тонкости не являются достаточно сильным экстралингвистическим фактором, который может повлиять на переход

³ Ограничения в объеме статьи не позволяют нам остановиться подробнее на описании проведенного опроса.

⁴ Портал Роскачества https://rskrf.ru/ratings/produkty-pitaniya/konservy/tushenaya-govyadina/?sphrase_id=227851

слов *сгущёнка* и *тушёнка* из разговорной речи в нейтральный пласт.

Яркая группа, подтверждающая необходимость при постановке стилистической пометы рассматривать каждое слово внутри определенной структурно-семантической группы в отдельности, — это названия дорог на *-ка*. Внутри этой группы выделяются контрастные со стилистической точки зрения единицы. Например, *бетонка*, *гравийка*, *грунтовка* являются типичными разговорными словами. *Железка* ‘железная дорога’ в МАС маркируется *Прост. устар.*, в БТС — *Устар.*, *разг.*, в БАС-3 — *Устар.* и *прост.* Судя по текстовым примерам, помету *Устар.* при этом слове ставить рано, ср.:

Выйдешь на железку, первый же товарняк твой [В. Громов. Компромат для олигарха (2000)];

От нашей станции весь полный крюк в объезд по степи и по горам делать придется и лишних пять часов по железке трястись [Е. Хорватова. Сезон долгов (2003)].

При этом слово имеет более низкую стилистическую окраску, чем упомянутые *бетонка*, *гравийка* и *грунтовка*.

Слова *встречка* и *выделенка*, появившись сначала в профессиональной речи служащих ГИБДД и в речи автомобилистов, постепенно утрачивают социальную маркированность и, видимо, в современных словарях должны сопровождаться пометой *Разг.* Похожее существительное — *федералка* ‘федеральная трасса’, однако оно явно сохраняет стилистическую окраску, свидетельствующую о связи с употреблением в определенной социальной среде, а потому помета *Разг.* при нем была бы преждевременной.

5. О путях пополнения сниженных пластов лексики в современном языке

Проблема пополнения сниженных пластов лексики требует отдельного рассмотрения, здесь мы коснемся только некоторых ее аспектов.

Выше было отмечено (см. раздел 3 статьи), что некоторые лексемы, ранее фиксировавшиеся словарями как стилистически нейтральные, приобретают со временем сниженную окраску, переходят в состав просторечных. К числу таких слов, выявленных в процессе работы, относятся, например, существительное *въезд* ‘место подъема, въезда’ и глагол *выхлебнуть* ‘хлебнув, проглотить, выпить’. В МАС эти слова не имели стилистических помет, в АТoS они маркируются пометой *Прост.* Обратим

внимание и на слова из этого ряда, которые, переходя в пассивную часть лексики, устаревая, обнаруживают себя в просторечии. Это, к примеру, глагол *взлезть*, в МАС описанный как стилистически нейтральный, в АТoS как *Устар.* и *прост.*

Анализ современных словарей показывает, что они пополняются немалым числом сниженных, в той или иной степени, лексических единиц, которые трудно назвать новыми, однако ранее они в большинстве своем отсутствовали в толковых словарях. Изменения в этом пласте менее очевидны в лексикографической работе, поскольку лексика такого типа в основных словарях, создававшихся в советскую эпоху, практически не отражалась или отражалась не вполне точно (например, с пометой *Прост.* давались слова *блат*, *блатной*, *гешефт*, хотя их можно квалифицировать и как жаргонные), т.е. изменение ее стилистического статуса произошло за пределами словарей. Ср. отсутствие некоторых употребительных сейчас лексем (значений) не только в МАС, но и в БАС-3: *армеец* (‘спортсмен / болельщик ЦСКА’), *безнадёга*, *встречка*.

Основными источниками пополнения этого разряда слов можно назвать жаргоны (не только известные самим носителям языка в силу их жизненного опыта, но и продвигаемые через СМИ, кино, литературу, интернет): криминальные, спортивные, профессиональные (например, компьютерный, автомобильный и др.). Переходя в просторечный и разговорный пласты, жаргонные единицы демонстрируют тенденцию к повышению своего стилистического статуса. Правда, в вопросе выбора и постановки помет в этом случае мнения составителей разных словарей могут расходиться. Ср., к примеру, как представлено ‘автомобильное’ значение слова *бардачок* в БАС-3 (оно имеет общую с первым значением помету *Прост.*):

БАРДАЧОК, -чка́, м. *Прост.* 1. Уменьш. к бардак; то же, что бардак (во 2 знач.)⁵. *Ну и бардачок у вас в квартире!*

2. Небольшое внутреннее отделение, ящичек около щита управления в автомобиле для хранения подручных инструментов, личных вещей водителя и т.п.

и в АТoS:

БАРДАЧОК, -чка́, м. *Разг.* Небольшое углубление с крышкой в автомобиле сбоку от руля. *Открыть бардачок. Держать ключи в бардачке.* □ *Алка*

⁵ Имеется в виду значение ‘беспорядок, хаос, неразбериха; развал’.

достала из бардачка газету и, не оборачиваясь, протянула мужу. С. Каледин. Записки гребкопателя.

Как видно, статья из второго словаря содержит иллюстрации (не только речения, но и текстовый пример), которые, на наш взгляд, подтверждают разговорный характер описанного значения.

Очевидно, что и в рассматриваемой лексической группе не всегда достаточно маркировать слово одной пометой (это связано с его семантикой, со спецификой жаргона, из которого оно пришло, и т.д.). Ср., например, такие статьи из АТОС:

БЕЗНА́Л, -а, м. Разг. Безналичные деньги; безналичный расчет. *Компьютеры везли из-за границы кто только мог, выставляли в комиссионках. Но у НИИ был только “безнал”, а в комиссионках требовали живые деньги.* В. Живов. Двойник. | в знач. нареч. **по безналу, безналом.** *Заплатить безналом.* □ *А весь наш многомиллионный бизнес строился только на живых деньгах — по безналу никто с кооперацией иметь дела не хотел.* А. Тарасов. Миллионер.

БЕСПРЕДЕ́Л, -а, м. Разг. неодобр. Крайняя степень беззакония, беспорядка; произвол. *Правовой беспредел. Ценовой беспредел. В обществе царит полный беспредел. Остановить беспредел!* □ *Обыватель, наблюдая на экране преступный разгул и беспредел, становится пугливым, как мышь, --- готовая при любой опасности уйти в глубокое подполье, залечь, притаиться, замереть в смертельном страхе.* Т. Миронова. Человек голосующий.

Следует упомянуть также те случаи, когда лексема не приобретает менее сниженную стилистическую окраску, а развивает новое значение с иной стилистической окраской. Ограничимся здесь одним примером, ср.:

МАС:

ЗАЙТИ́СЬ, зайдётся, зайдёшься; *прош.* зашёлся, -шлась, -шлось; *прич. прош.* зашёвшийся; *сов. (несов. заходиться)*¹. *Прост.* Потерять чувство, прийти в состояние оцепенения. — *Зашла наша-то барыня... Лежит, глазки закатила.* Мамин-Сибиряк, Хлеб. || *Онеметь, потерять чувствительность (обычно от холода).* — *Что, ноги замерзли, что ль, что хлопаешь-то?* — *Вовсе зашился.* Л. Толстой, Метель.

Возможная модификация:

ЗАЙТИ́СЬ, зайдётся, зайдёшься; *прош.* зашёлся, -шлась, -шлось; *прич. прош.* зашёвшийся; *сов. (несов. заходиться)*¹. **1.** *Прост. устар.* Потерять сознание, прийти в состояние оцепенения. — *Зашла наша-то барыня... Лежит, глазки закатила.* Д. Мамин-Сибиряк. Хлеб. *Захотел барин да как хватит чубуком черешневым Сашеньку по головке... упал тот... да так и зашёлся, словечка*

не крикнул... Н. Лухманова. Девочки. || (1 и 2 л. не употр.) *Онеметь, потерять чувствительность (обычно от холода).* *Гладышев поплотнее завязал под подбородком клапаны ушанки, сбил иней с воротника и долго тер варежкой окаменевшее лицо, колодил по носу и щекам. Он всё быстрее переступал ногами, почти бежал, но ноги уже зашились.* В. Ардаматский. Ленинградская зима.

2. *Разг.* Сильно закашляться, заплакать, закричать и т.п., обычно неудержимо, судорожно, задыхаясь. *Она вдруг зашилась в рыданиях.* — *Аникин искалечил всю мою жизнь! Я любила его, а ему оказалась нужна только московская прописка.* Л. Корнешов. Газета. — *Ну, спокойно, спокойно, не кипятись! А то опять зайдёшься в кашле...* Д. Рубина. На солнечной стороне улицы. — *Спасибо, спасибо вам! Век не забудем!* — *кланяясь и всхлипывая, загворила баба с младенцем на руках, который вдруг зашёлся в истошном вопле.* Л. Юзефович. Казароза. || (1 и 2 л. не употр.) *перен.* Раздаться (о громких, резких, коротких звуках). *На северном берегу, где постепенно угасало, бледнело зарево, прогремело подряд несколько выстрелов, следом зашла немецкая автоматная очередь — и всё смолкло.* Ю. Бондарев. Горячий снег.

Можно, таким образом, говорить о разных путях пополнения сниженной лексики в современном языке (особенно, если иметь в виду широкую трактовку понятия “стилистически сниженная лексика”). Причем это не только собственно пополнение, но и перераспределение единиц между лексическими пластами, следствием которого является прежде всего увеличение массива разговорных слов (включая и эмоционально-экспрессивно окрашенные).

Выводы

Исследование показало, что проблемы словарного отражения изменений, произошедших в последние десятилетия в сфере сниженной и уже просторечной лексики, могут решаться на основе комплексной методики, включающей лексикографический, статистический и корпусный подходы. С применением этой методики авторами создан специальный словарь единиц, перешедших из просторечия в другие стилистические регистры, проведена верификация таких единиц по НКРЯ и иным источникам, позволившая объективировать постановку помет при сниженных словах, исследованы изменения стилистического статуса как отдельных лексем, так и словообразовательных типов, описаны пути пополнения сниженных пластов лексики в современном русском языке.

В целом, наблюдения, сделанные в ходе работы над многотомным толковым словарем,

практические решения, принятые в том или ином конкретном случае, позволяют по-новому подойти ко многим теоретическим проблемам лексикографии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Крысин Л.П.* Проблема обновления толковых словарей современного русского языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70. № 1. С. 3–9.
2. *Ожегов С.И.* О трех типах толковых словарей современного русского языка // Вопросы языкознания. 1952. № 2. С. 85–103.
3. *АТолС* – Академический толковый словарь русского языка. Т. 1: А – Вилять; Т. 2: Вина – Гяур / Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2016.
4. *МАС* – Словарь русского языка. Т. 1–4 / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд. М.: Рус. яз., 1981–1984.
5. *Цумарев А.Э., Шестакова Л.Л., Нечаева И.В., Кулева А.С., Грунченко О.М.* “Академический толковый словарь русского языка”: традиционное и новое // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2017. Т. 76. № 5. С. 5–21.
6. *Филин Ф.П.* О структуре современного русского литературного языка // Вопросы языкознания. 1973. № 2. С. 3–12.
7. *Баранникова Л.И.* Просторечие как особый социальный компонент языка // Язык и общество. Вып. 3. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1974. С. 3–22.
8. Литературная норма и просторечие / Под ред. Л.И. Скворцова. М.: Наука, 1977. 254 с.
9. *Ерофеева Е.В.* Статус просторечия в современном русском языке // Русский язык сегодня. Вып. 2. Активные языковые процессы конца XX в. / Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Азбуковник, 2003. С. 434–443.
10. *Крысин Л.П.* Просторечие // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 53–68.
11. *Крысин Л.П.* О словарном представлении лексики некодифицированных подсистем языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2010. Т. 69. № 1. С. 28–43.
12. Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация / Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2003. 568 с.
13. *Купина Н.А., Шалина И.В.* Современное просторечие: взгляд изнутри // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1(7). С. 23–62.
14. *Лейчик В.М.* Изменение стилистической системы в современном русском языке // Язык и мы. Мы и язык. Сб. ст. памяти Б.С. Шварцкопфа / Отв. ред. Р.И. Розина. М.: РГГУ, 2006. С. 184–194.
15. Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Языки славянских культур, 2008. 712 с.
16. *Шапошников В.Н.* Просторечие в системе русского языка на современном этапе. М.: УРСС, 2012. 176 с.
17. *Филин Ф.П.* Просторечная лексика // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ф.П. Филин. М.: Советская энциклопедия, 1979. С. 273–275.
18. *Бельчиков Ю.А.* Просторечие // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 402.
19. *Журавлев А.Ф.* Просторечие // Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. С. 390–391.
20. *Скляревская Г.Н., Шмелева И.Н.* Разговорно-просторечная и областная лексика в словарях и в современном русском языке (лексикографический аспект) // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М.: Наука, 1974. С. 88–94.
21. *Титова Е.В.* О стилистическом статусе просторечия в русском языке (лексикографический обзор) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Вып. 3. 2009. С. 306–311.
22. *Саляев В.А.* Аспекты нормативно-стилистической характеристики в общих толковых словарях (на материале анализа пометы “просторечное”) // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск, 2011. № 3. С. 72–76.
23. *Круглов В.М., Истратий В.В., Гамирова Д.Р., Каплан Е.Д.* Нормативно-стилистические пометы в толковых академических словарях русского языка / Под ред. В.М. Круглова. СПб.: Нестор-История, 2015. 441 с.
24. *Кочергина К.С.* Стилистические пометы в толковых словарях современного русского языка: сопоставительный анализ // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 20–38.
25. *Пурицкая Е.В.* Просторечная лексика в толковом словаре литературного языка: критерии параметрического описания // Вестник Вологодского гос. университета. Сер. Гуманитарные,

- общественные, педагогические науки. 2018. № 4. С. 70–74.
26. Пурицкая Е.В., Панков Д.И. Нормативно-стилистическая характеристика лексики современного русского языка: возможности описания в словарной базе данных // Вопросы лексикографии. 2018. № 13. С. 23–43.
 27. Городское просторечие: проблемы изучения / Отв. ред. Е.А. Земская и Д.Н. Шмелев. М.: Наука, 1984. 190 с.
 28. Скляревская Г.Н. Стилистические инновации в новом академическом словаре (о лексикографической несостоятельности пометы “просторечное”) // Актуальные проблемы разработки нового академического словаря русского языка. Л. [Б. и.], 1992.
 29. БТС – Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998.
 30. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 762 с.
 31. Лейчик В.М. Русское общее и профессиональное просторечие в сопоставлении с жаргонами // Русский язык за рубежом. 2013. № 3 (238). С. 50–55.
 32. Лю Юн. Динамика стилистической квалификации разговорных и просторечных слов в современной русской лексикографии. Дис. ... канд. филол. наук. М.: Лит. ин-т им. А.М. Горького, 2004.
 33. Шестакова Л.Л., Кулева А.С. Повышение стилистического статуса сниженной лексики и его отражение в толковом словаре // Настоящее и будущее стилистики: сб. науч. ст. / отв. ред. Н.И. Клушина, С.Ф. Барышева. М.: ФЛИНТА, 2019. С. 818–824.
 34. Чен Ч.В. Слова, называющие лицо женского пола, в русском языке и речи: Дис. ... канд. филол. наук. СПб.: СПбГУ, 2010.
 35. Флекенштейн К.И. Стилистически маркированная лексика в словаре и тексте // Исследования по семантике: Межвузовск. науч. сб. Уфа: Башкирск. ун-т, 1990. С. 26–33.
 36. БАС-1 – Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л., 1948–1965.
 37. СУш – Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940.
 38. БАС-3 – Большой академический словарь русского языка. Т. 1–. М.; СПб.: Наука, 2004–.
 39. ТСРРР – Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1– / Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2014–.
 40. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2007.
 41. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа (свободный). URL: <http://www.ruscorgo.ru>
 42. Виноградов В.В. История слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: ИРЯ РАН, 1999. 1138 с.
 43. Зализняк А.А. Механизмы экспрессивности в языке // Смыслы, тексты и другие захваты-вающие сюжеты: Сб. ст. в честь 80-летия Игоря Александровича Мельчука. Апресян Ю.Д., Богуславский И.М., Ваннер Л., Иомдин Л.Л., Миличевич Я., Лом М., Польгер А. (ред.). М.: ЯСК, 2012. С. 650–664.
 44. Горнфельд А.Г. Новые словечки и старые слова. Пг.: Колос, 1922. 64 с.
 45. Капанадзе Л.А. Номинация в разговорной речи // Голоса и смыслы. Избранные работы по русскому языку. М.: ИРЯ РАН, 2005. С. 91–155.

REFERENCES

1. Krysin, L.P. *Problema obnovleniya tolkovykh slovari sovremennogo russkogo yazyka* [The Problem of Updating the Dictionaries of the Modern Russian Language]. *Izvestiâ Rossijskoj Akademii Nauk. Seriâ Literatury I Âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2011, Vol. 70, No. 1, pp. 3–9. (In Russ.)
2. Ozhegov, S.I. *O trekh tipakh tolkovykh slovari sovremennogo russkogo yazyka* [On Three Types of Explanatory Dictionaries of the Modern Russian Language]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 1952, No. 2, pp. 85–103. (In Russ.)
3. *Akademicheskii tolkovyi slovar' russkogo yazyka*. [Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Krysin, L.P. (Ed.). Vol. 1: A – Vilyat'; Vol. 2: Vina – Gyaur. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2016. (In Russ.)
4. *Slovar' russkogo yazyka* [The Dictionary of the Russian Language]. Evgen'eva, A.P. (Ed.). Vol. 1–4. Moscow, 1981–1984. (In Russ.)
5. Tsumarev, A.E., Shestakova, L.L., Nechayeva, I.V., Kuleva, A.S., Grunchenko, O.M. *“Akademicheskii tolkovyi slovar' russkogo yazyka”: traditsionnoe i novoe* [“Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language”: the Traditional and the New]. *Izvestiâ Rossijskoj Akademii Nauk. Seriâ Literatury I Âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of

- Sciences: Studies in Literature and Language]. 2017, Vol. 76, No. 5, pp. 5–21. (In Russ.)
6. Filin, F.P. *O strukture sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [On the Structure of Modern Russian Literary Language]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language]. 1973, No. 2, pp. 3–12. (In Russ.)
 7. Barannikova, L.I. *Prostorechie kak osobyi sotsial'nyi komponent yazyka* [Vernacular as a Special Social Component of the Language]. *Yazyk i obshchestvo. 3.* [Language and Society. 3]. Saratov, Saratov Univ. Publ., 1974, pp. 3–22. (In Russ.)
 8. *Literaturnaya norma i prostorechie* [Standard Norm and Vernacular]. Skvortsov, L.I. (ed.). Moscow, Nauka Publ., 1977. (In Russ.)
 9. Erofeeva, E.V. *Status prostorechiya v sovremenном russkom yazyke* [The Status of a Vernacular in Modern Russian]. *Russkii yazyk segodnya. 2. Aktivnye yazykovye protsessy kontsa XX v.* [Russian Language Today. 2. Active Language Processes at the End of the 20th Century] Krysin, L.P. (Ed.). Moscow, Azbukovnik Publ., 2003, pp. 434–443. (In Russ.)
 10. Krysin, L.P. *Prostorechiye* [Vernacular]. *Sovremenniy russkii yazyk: Sotsial'naya i funktsional'naya differentsiatsiya* [Modern Russian: Social and Functional Differentiation]. Moscow, 2003, pp. 53–68. (In Russ.)
 11. Krysin, L.P. *O slovarnom predstavlenii leksiki nekodifitsirovannykh podsystem yazyka* [On Lexicographic Description of Non-Standard Subsystems of the Russian Language]. *Izvestiâ Rossijskoi Akademii Nauk. Seriâ Literaturny I Ázyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2010, Vol. 69, No. 1, pp. 28–43. (In Russ.)
 12. *Sovremenniy russkii yazyk: Sotsial'naya i funktsional'naya differentsiatsiya* [Modern Russian Language: Social and Functional Differentiation]. Krysin, L.P. (Ed.). Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2003. (In Russ.)
 13. Kupina, N.A., Shalina, I.V. *Sovremennoe prostorechie: vzglyad iznutri* [Modern Substandard: An Inside Look]. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory]. 2004, Vol. 1 (7), pp. 23–62. (In Russ.)
 14. Leychik, V.M. *Izmenenie stilisticheskoi sistemy v sovremenном russkom yazyke* [The Change in Stylistic System of the Modern Russian Language] *Yazyk i my. My i yazyk. Sb. st. pamyati B.S. Shvartskopfa* [Language and Us. We and the Language. Collection of Articles in Memory of B.S. Schwarzkopf]. Rozina, R.I. (Ed.). Moscow, Russian State Univ. for the Humanities Publ., 2006, pp. 184–194. (In Russ.)
 15. *Sovremenniy russkii yazyk: Aktivnye protsessy na rubezhe XX–XXI vekov* [Modern Russian: Active Processes at the Turn of the 21st Century]. Krysin, L.P. (Ed.). Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2008. (In Russ.)
 16. Shaposhnikov, V.N. *Prostorechie v sisteme russkogo yazyka na sovremenном etape* [Vernacular in the System of the Russian Language at the Present Stage]. Moscow, URSS Publ., 2012. (In Russ.)
 17. Filin, F.P. *Prostorechnaya leksika* [Vernacular Vocabulary]. *Russkii yazyk. Entsiklopediya* [Russian language. Encyclopedia]. Filin, F.P. (ed.). Moscow, 1979, pp. 273–275. (In Russ.)
 18. Bel'chikov, Yu.A. *Prostorechie* [Vernacular]. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Yartseva, V.N. (Ed.). Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1990, p. 402. (In Russ.)
 19. Zhuravlev, A.F. *Prostorechie* [Vernacular]. *Russkii yazyk: Entsiklopediya* [Russian Language. Encyclopedia]. Karaulov, Yu.N. (Ed.). Moscow, Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya Publ., 2003, pp. 390–391. (In Russ.)
 20. Sklyarevskaya, G.N., Shmeleva, I.N. *Razgovorno-prostorechnaya i oblastnaya leksika v slovaryakh i v sovremenном russkom yazyke (leksikograficheskii aspekt)* [Colloquial and Regional Vocabulary in Dictionaries and in Modern Russian (Lexicographic Aspect)]. *Voprosy istoricheskoi leksikologii i leksikografii vostochnoslavjanskikh yazykov* [Questions of Historical Lexicology and Lexicography of the East Slavic Languages]. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 88–94. (In Russ.)
 21. Titova, Ye.V. *O stilisticheskoi statuse prostorechiya v russkom yazyke (leksikograficheskii obzor)* [On the Stylistic Status of Vernacular in Russian (Lexicographical Review)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Bulletin of St. Petersburg State University]. 9 (3), 2009, pp. 306–311. (In Russ.)
 22. Salyaev, V.A. *Aspekty normativno-stilisticheskoi kharakteristiki v obshchikh tolkovykh slovaryakh (na materiale analiza pomety "prostorechnoye")* [Aspects of the Normative and Stylistic Characteristics in General Explanatory Dictionaries (Based on the Analysis of the Mark "Vernacular")]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology, Culture]. Magnitogorsk, 2011, No. 3, pp. 72–76. (In Russ.)
 23. Kruglov, V.M., Istratii, V.V., Gamirova, D.R., Kaplan, E.D. *Normativno-stilisticheskie pomety v tolkovykh akademicheskikh slovaryakh russkogo yazyka* [Normative-Stylistic Marks in the Explanatory Academic Dictionaries of the Russian Language]. Kruglov, V.M. (Ed.). St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2015. (In Russ.)

24. Kochergina, K.S. *Stilisticheskiye pomety v tolkovykh slovaryakh sovremennogo russkogo yazyka: sopostavitelnyy analiz* [Stylistic Litters in the Explanatory Dictionaries of the Modern Russian Language: a Comparative Analysis]. *Voprosy leksikografii* [Lexicography Issues]. 11 (2017), pp. 20–38. (In Russ.)
25. Puritskaya, Ye.V. *Prostorechnaya leksika v tolkovom slovare literaturnogo yazyka: kriterii parametricheskogo opisaniya* [Vernacular Vocabulary in the Explanatory Dictionary of the Literary Language: Criteria for Parametric Description]. *Vestnik Vologodskogo gos. universiteta. Ser. Gumanitarnye, obshchestvennye, pedagogicheskie nauki* [Bulletin of Vologda State University: Studies in Humanities, Social, Pedagogical Sciences]. 2018, No. 4, pp. 70–74. (In Russ.)
26. Puritskaya, Ye.V., Pankov, D.I. *Normativno-stilisticheskaya kharakteristika leksiki sovremennogo russkogo yazyka: vozmozhnosti opisaniya v slovarnoi baze dannykh* [The Normative and Stylistic Characteristic of the Vocabulary of the Modern Russian Language: the Possibilities of Description in the Dictionary Database]. *Voprosy leksikografii* [Lexicography Issues]. 2018, No. 13, pp. 23–43. (In Russ.)
27. *Gorodskoe prostorechie: problemy izucheniya*. [Urban Popular Language: Problems of Study]. Zemskaya, E.A., Shmelev, D.N. (Eds.). Moscow, Nauka Publ., 1984. (In Russ.)
28. Sklyarevskaya, G.N. *Stilisticheskie innovatsii v novom akademicheskom slovare (o leksikograficheskoi nesostoyatel'nosti pomety "prostorechnoe")* [Stylistic Innovations in the New Academic Dictionary (on the Lexicographic Insolvency of the Label "Vernacular")]. *Aktual'nye problemy razrabotki novogo akademicheskogo slovarya russkogo yazyka* [Actual Problems of Developing a New Academic Dictionary of the Russian]. Leningrad [sine nomine], 1992. (In Russ.)
29. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [The Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Kuznetsov, S.A. (Ed.). St. Petersburg, Norint Publ., 1998. (In Russ.)
30. Khimik, V.V. *Bolshoj slovar russkoj razgovornoj ekspressivnoj rechi* [Russian Spoken Expressive Language Dictionary]. St. Petersburg, Norint Publ., 2004. (In Russ.)
31. Leichik, V.M. *Russkoe obshchee i professional'noe prostorechie v sopostavlenii s zhargonami* [Russian General and Professional Vernacular Versus Jargon]. *Russkii yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad]. 2013, No. 3 (238), pp. 50–55. (In Russ.)
32. Lyu Yun. *Dinamika stilisticheskoi kvalifikatsii razgovornykh i prostorechnykh slov v sovremennoi russkoi leksikografii* [Dynamics of Stylistic Qualification of Colloquial and Vernacular Words in Modern Russian Lexicography]. Diss. Cand. Philol. Sci. Moscow, Maxim Gorky Literature Institute Publ., 2004. (In Russ.)
33. Shestakova, L.L., Kuleva, A.S. *Povysheniye stilisticheskogo statusa snizhennoy leksiki i yego otrazheniye v tolkovom slovare* [Improving the Stylistic Status of Reduced Vocabulary and its Reflection in the Explanatory Dictionary]. *Nastoyashchee i budushchee stilistiki* [The Present and Future of Style]. Klushina, N.I., Barysheva, S.F. (Eds.). Moscow, Flinta Publ., 2019, pp. 818–824. (In Russ.)
34. Chen, Ch.V. *Slova, nazyvayushchie litso zhenskogo pola, v russkom yazyke i rechi* [Words Calling a Female Person in Russian Language and Speech]. Diss. Cand. Philol. Sci. St. Petersburg, St. Petersburg State Univ. Publ., 2010. (In Russ.)
35. Flekenshtein, K.I. *Stilisticheski markirovannaya leksika v slovare i tekste* [Stylistically Marked Vocabulary in the Dictionary and Text]. *Issledovaniya po semantike: Mezhvuzovsk. nauch. sb.* [Research in Semantics]. Ufa, Bashkirsk. un-t Publ., 1990, pp. 26–33. (In Russ.)
36. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [The Dictionary of Modern Standard Russian Language]. Vol. 1–17. Moscow, Leningrad, 1948–1965. (In Russ.)
37. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Ushakov, D.N. (Ed.). Vol. 1–4. Moscow, 1935–1940. (In Russ.)
38. *Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [The Great Academic Dictionary of the Russian Language]. Gerd, A.S. (Ed.). Vol. 1–. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004–. (In Russ.)
39. *Tolkovyi slovar' russkoi razgovornoj rechi. Vyp. 1–*. [Explanatory Dictionary of the Russian Every Day Speech. Iss. 1]. Krysin, L.P. (Ed.). Vol. 1–. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2014. (In Russ.)
40. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov* [The Explanatory Dictionary of the Russian Language Including Information on Word Origin]. Shvedova, N.Yu. (Ed.). Moscow, Azbukovnik Publ., 2007. (In Russ.)
41. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
42. Vinogradov, V. V. *Istoriya slov* [History of Words]. Shvedova, N.Yu. (Ed.). Moscow, Vinogradov Russian Language Institute Publ., Russian Academy of Sciences, 1999. (In Russ.)
43. Zalizniak, A.A. *Mekhanizmy ekspressivnosti v yazyke* [Expressivity Mechanisms in Language]. *Smysly, teksty i drugie zakhvatyvayushchie syuzhety: Sb. st. v chest' 80-letiya I.A. Mel'chuka* [Senses, Texts and Other Exciting Subjects. Collected Articles in Honor of the 80th Birth Anniversary of I.A. Mel'čuk]. Apresyan, Yu.D.,

- Boguslavsky, I.M., Wanner, L., Iomdin, L.L., Milićević, J., L'Homme, M.-Cl., Polguère, A. (Eds.). Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2012, pp. 650–664. (In Russ.)
44. Gornfeld, A.G. *Novye slovechki i starye slova*. [New Words and Old Words]. Petrograd, Kolos Publ., 1922. (In Russ.)
45. Kapanadze, L.A. *Nominatsiya v razgovornoi rechi* [Colloquial Nomination]. *Golosa i smysly. Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Voices and Meanings. Selected Works on the Russian Language]. Moscow, Vinogradov Russian Language Institute Publ., RAS, 2005, pp. 91–155. (In Russ.)